

СЕРДЦЕ
СУМРАКА

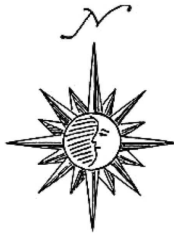
Читайте в серии «Руны тьмы»:

Костяная ведьма

Кузнец душ

Сердце сумрака

Даанорийское
море

Западно-окраинная
Башня

Читтегрин
Мирет
Монтвайсиг
Стирфолл
Салдрин
ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА ЯДОШИ
Тхан
Пяте
Ядоши
Сельда Бессмертия

Быстрые воды

Брайр
Митры
Урайя
Амаран
Стена
НАНГХАЙТЪЯ
КИОН
Беларью
Анкио
Индт
Лизсет

Желтое
море

Сволир
(Лебяжья дира)

АРХЕН
КОПО

Хоттенхайм
Фейрберст

Хольсрат
ТАУРВИ
Риверсенд
Мерквик
Найтскросс
Кресспорт
ОДАЛИЯ
Алоарен
Брайн
Пещерные
горы
Коралевский
лес
АЭШМА

море
Одалии

Адра-ал
ДРИХТ
Сухие земли
Круг
Культа
Каринша

*Посвящается
прекрасному народу Японии
за создание лапши быстрого приготовления —
лучшего изобретения на планете.*

Ее непрочитанные письма он носил с собой словно амулет. Хранил аккуратно сложенными за пазухой своего мундира, у самого сердца. Временами он проводил в этом месте рукой, чтобы в очередной раз убедиться, что они не плод его воображения — что она все еще жива, пусть и ушла туда, куда он мыслями последовать не мог. Он ничего не говорил и не выдавал своих эмоций. Его нежелание их читать приводило меня в недоумение, хотя я понимал его горе. Ни капли сострадания не могло просочиться в этот заколоченный гроб.

Спустя неделю непрерывного, отчаянного пути мы спустились к морю Черепов, где я впервые встречал Костяную ведьму. Немного южнее, у юго-восточных берегов Даанориса, дрейфовал корабль, готовый доставить нас к знакомым пастбищам Одалии, а после — в Кион. Здесь, на земле ревущих волн, среди разрушенных островов чудовищ, нетерпение лорда Фокса поутихло. Теперь он не торопился покидать эти безжизненные края и спокойно бродил по сырым песчаным берегам, которые его сестра когда-то сделала своим домом.

Исследуя пещеру, ставшую ей убежищем, он произнес:

— Мы разыскивали ее в каждом известном нам городе. Я и не предполагал, что она прячется здесь. — Затем, ощупав оставшиеся после нее многочисленные пузырьки и безделушки, заметил: — Даже в изгнании

она все так же тщеславна. — В уголки его губ закралась слабая грустная улыбка.

Лорд Халад, одалийский Кузнец душ, осмотрел ее лицо более тщательно.

— Не все они служат тщеславию, Фокс, — невозмутимо, ничуть не удивившись его находкам, сказал он. — В каждом флаконе заключены чары, оплетающие хуа боевыми заклинаниями. Она рассчитала свою месть до мельчайшей руны.

— Халад, тебе было что-то известно об ее намерениях? — поинтересовался лорд Фокс. — Ты отсутствовал так долго, что мы боялись потерять и тебя.

Кузнец душ, ни на секунду не дрогнув, встретил взгляд лорда Фокса.

— В то время я был в состоянии помочь и охотно протянул бы руку помощи, — спокойным тоном ответил он. — Но все намерения и решения принадлежали ей одной. Я был лишь очередным зубцом в этом колесе, а потому не знаю, за какие рычаги она еще тянула.

— По крайней мере, тебе она доверилась. — С этими словами лорд Фокс, скорее сожалея, чем испытывая злость, отвернулся.

— Мы сумеем ее найти? — спросил я. Мне до сих пор было обидно, что Костяная ведьма с такой легкостью отвергла меня. Она не разрешила мне сопровождать ее вместе с чудовищной свитой дэвов, хотя и обещала поведать песнь своей истории. — Какой нам толк продолжать эту гонку, если неделя нашего пути на лошадях у нее займет всего день полета?

— Только ази умеет летать, Бард, — напомнила мне Инесса, принцесса Киона. — И в какой-то степени индра. А все остальные дэвы, как и мы, ступают по зем-

ле. Ази не способен увезти их на себе, а она не бросит никого из своих существ.

На протяжении нашего семидневного путешествия дочь императрицы Аликс не высказала ни одного возмущения: ни тем, с какой скоростью мы двигались, ни тем, что приходилось питаться солдатскими пайками и спать без удобств, которые так требовались в дороге многим королевским особам. Понимая, как важно быстро вернуться в Кион, мы оставили нашу армию позади, а сами отправились в путь всего на двух лошадях: принцесса с лордом Фоксом — на одной, а мы с лордом Халалдом — на другой. Уже позже я с потрясением узнал от лорда Фокса, что эти великолепные, крепко сложенные кони — Кисмет и Вождь, принадлежавшие леди Микаэле и Костяной ведьме.

— Когда Микаэла... — Тут черты лица лорда Фокса исказила боль. Все по-прежнему оплакивали смерть прекрасной аши. — Когда она умерла, Кисмет упал замертво. Именно так госпожа Пармина узнала о случившемся с Микаэлой, до того как сами известия дошли до нас. Тогда Тия воскресила коня Микки и тем самым установила с ним связь. — Закрыв глаза, он прижался головой к боку Кисмета. В ответ конь заржал и зафыркал, не выказывая и признаков недавней смерти.

— Фокс. — Принцесса Инесса обняла его за пояс и прильнула к спине. Тихим голосом она произнесла: — Мы найдем Тию и спасем ее. Позволь нам поговорить с моей матерью и остальными ашами, а также с Кансом. Выход есть всегда.

Лорд Фокс взял в руки ее ладонь, склонился к ней и поцеловал внутреннюю сторону запястья.

— Потеряв связь с Тией, я не умер. Но постоянно ждал, что новый день станет последним. Я так большие

не могу, Инесса. Не могу быть одновременно и живым, и мертвым. — Он развернулся так, что теперь обнимал принцессу, его руки легко и привычно покоились на ее бедрах. — Она собирается меня спасти. Она знает заклинание, способное вернуть меня к жизни, чтобы мое сердце вновь забилось по-настоящему. Но для этого ей нужна Первая Жатва — тот самый ингредиент, который необходим для сердца сумрака. И чтобы отыскать его, она пожертвует собой — и кем угодно. — В нем вспыхнула злость. — Тия изменилась. Порой мне кажется, что я больше не узнаю свою сестру.

— Тогда прочти то, что она оставила тебе, — нежно настаивала принцесса Инесса. — В этих письмах могут крыться объяснения ее поступков, хотя слова содеянного и не изменят.

Когда лорд Фокс взглянул на принцессу, я заметил их сходство с Костяной ведьмой. У брата и сестры были темные глаза, одинаковые упрямые подбородки, и Фокс смотрел на Инессу с тем же выражением лица, что и Тия — на Калена.

— Я боюсь, — откровенно признался он.

— А я нет. — Принцесса улыбнулась. — Ты хотел знать, почему Тия покинула Кион. И ответ на этот вопрос носишь с собой уже почти неделю. Нельзя гнаться за ней и в то же время прятаться от ее слов.

Но даже эти доводы не убедили мужчину достать письма.

— Она слабеет, — вмешался я, и он переключил свое внимание на меня. — Всякий раз использование рун истощает ее. Однажды она обмолвилась, что сердца тьмы надолго не хватит.

Тогда лорд Фокс вынул толстую пачку бумаг и уставился на нее. В этот миг он выглядел устав-

шим и измученным; если не время, то любовь к сестре состарила его.

Наконец он прерывисто втянул воздух и протянул мне листы.

— Ты был рядом, когда она начала рассказывать свою историю. Так поведай мне ее конец.

Я принял письма из его рук. Коснувшись пальцами мягкого пергамента, я заметил слабые разводы на буквах изящного почерка. Моего натренированного глаза хватило, чтобы понять: эти пятна вызваны не потекшими чернилами, а слезами.

Небеса цвета спелого граната над нашими головами постепенно затянули темные облака, подарив нам всего несколько часов краткой передышки перед началом бури.

Мне всегда была ведома тьма. Она была моим другом. И в то же время врагом. В некоторые дни мои глаза застилает пелена, закрывая от меня то, что должно быть явно. А в другие — я смахиваю этот туман и вижу все намного четче, чем было раньше.

Мне кажется, тьма жила во мне задолго до того, как я подняла своего брата из могилы. Просто мое серебристое сердце позволило ей заговорить, почувствовать, что тьма тоже может испытывать голод...

В этом нет вины Фокса. Как нет вины леди Микаэлы.

Я рассказала барду большую часть своей истории — кроме ее конца. Как только мы покинем Даанорис, ему станет слишком опасно путешествовать со мной и Каленом. Поэтому я пишу об этом сейчас — со столь необходимой мне ясностью зрения. Я пишу, пока туман рассеялся. Пока я могу видеть.

Я сожалею о многих вещах, но об этом не жалею ни капли.

Стоит начать свой рассказ со счастливого воспоминания. В нынешние дни их осталось совсем немного. Пока я это пишу, Кален вместе с моим *ази* патрулирует город, а Халад кует свое творение. Сегодня во дворце Сантяня мне предстоит долгое ночное бдение, в обществе исключительно своих мыслей.

Мой брат всегда просит меня быть откровенной, хотя порой, я знаю, от моей прямоты ему становится не по себе.

Так позвольте мне быть откровенной и теперь.

В день нашего отъезда в Истеру я проснулась позже необходимого, испытывая огромное желание отсрочить этот час. С глухим ворчанием я перевернулась на живот и, прижавшись лицом к простыням, довольно втянула носом их запах. Здешняя кровать была жестче моего привычного мягкого ложа в Доме Валерианы, но нравилась мне гораздо больше. Потому что простыни в моем аша-ка не благоухали его ароматом, ни одно одеяло не могло сравниться с его теплом. Только к нему я могла прильнуть и забыться сном без мучающих меня кошмаров, как это бывало последние три месяца.

Кровать рядом со мной прогнулась, его губы проследили дорожку на моей коже.

— Тебе пора вставать, — хриплым ото сна голосом прошептал Кален, но коснувшаяся моей голени грубая ткань подсказала, что он уже оделся. Прищурившись, я покосилась на окна. На улице только начинало светать. Из нас двоих ранней птишкой всегда был именно он. Сейчас мне больше не требовалось посещать занятия в квартале Ив, однако из-за необходимости развлекать гостей в аша-ка по ночам я часто забиралась в его кровать глубоко за полночь.

В ответ я пробормотала что-то бессвязное и залезла головой под подушку.

— Отстань.

